

Наша главная проблема – «хищное» государство - Евсей Гурвич

Интервью с руководителем Экономической экспертной группы

После того как Владимир Путин поставил перед государственным аппаратом «всеобъемлющую» задачу по удвоению ВВП, этот показатель стал флагом российской экономики. Социально-экономические программы, долгосрочные и краткосрочные, в первую очередь интересуют профильные ведомства в качестве инструмента для заветного увеличения ВВП на 7%. На заседаниях правительства даже происходят стычки между министрами и премьером, у которых расходятся взгляды на то, каким именно способом ВВП удвоится быстрее. Ситуация начинает напоминать какое-то масштабное соцсоревнование, призванное «догнать и перегнать» развитые и развивающиеся страны по объемам

производства. О том, насколько реалистичны поставленные государством цели, корреспондент RBC daily беседует с руководителем Экономической экспертной группы Евсеем Гурвичем.

- Евсей Томович, задам вопрос, может быть, несколько наивный: по Вашему мнению, насколько реально рассчитывать на удвоение ВВП к 2012 году?
- Я считаю это крайне маловероятным, не вижу оснований для столь высоких ожиданий.
- Откуда такой пессимизм?
- У нас слишком много фундаментальных слабостей, а прогресса в решении основных проблем пока не видно. И причина здесь глобальная: неэффективно действующее государство. В ежегодно разрабатываемых индексах конкурентоспособности наша страна неизменно получает очень низкие оценки, и они почти не улучшаются, т. е. мы топчемся на месте. Происходит это, прежде всего, из-за того что работа государственного аппарата признается сильно подверженной коррупции, абсолютно непрозрачной и лежащей вне общественного контроля. Сейчас у нас проводится административная реформа, но вряд ли она способна радикально улучшить деятельность бюрократической машины – для этого требуются более сильные средства. Главная наша проблема, повторюсь – «хищное» государство, которое подминает под себя бизнес и начатки гражданского общества. Международный же опыт однозначно свидетельствует: без налаженных государственных структур добиться быстрого устойчивого роста невозможно.
- В последнее время возникает ощущение, что министерства и ведомства соревнуются между собой, а результаты их деятельности оцениваются с точки зрения того, что они сделали для удвоения ВВП...
- Действительно, сейчас правительство пытается выстроить всю свою деятельность – начиная от административно-организационной функции и кончая планированием

бюджетных расходов – по целевому принципу. Поскольку конечной целью объявлено удвоение ВВП, то, соответственно и деятельность каждого министерства оценивается по тому, чего оно достигло для решения этой задачи... Формирование конкретных, объективно измеримых критериев может быть полезно как способ сломать главный принцип деятельности любой бюрократической организации – работу не на общественные, а на свои собственные цели. Но есть опасность довести подобную «целенаправленность» до абсурда. Я вообще не стал бы сводить всю многообразную деятельность целого государства к такой одномерной, упрощенной задаче, как удвоение ВВП. Нам нужна гораздо более амбициозная задача: модернизация экономики, включающая и уход от доминирования сырьевых отраслей, и резкую активизацию инновационной активности, и сокращение запредельной энергоемкости, и многое другое. К тому же практически невозможно точно оценить вклад в «удвоение» того или иного ведомства.

– Последнее время стало модно сравнивать по темпам экономического роста Россию со странами Европы и странами СНГ. Как Вы считаете, насколько уместны подобные сравнения?

– Сравнить Россию и страны ЕС абсолютно неправильно, поскольку закономерности и возможности роста переходных экономик и развитых стран несопоставимы. Если уж есть желание непременно с кем-то из Европы соревноваться, то выгоднее всего для России это делать с другими бывшими социалистическими странами, темпы экономического роста которых значительно ниже, чем наши. Можно сравнить Россию, конечно, и с развивающимися азиатскими экономиками, например, с Китаем, но Поднебесной мы пока здорово проигрываем. Впрочем, как и некоторым странам СНГ – Казахстану и, в последние годы, даже Украине. И опять, нельзя все сводить только к динамике ВВП. Скажем, после 1992 года в Узбекистане спад был намного меньше, чем в России, но это не значит, что реформы там проводились успешнее, – они просто были отложены на неопределенное время.

– ВВП и общее благосостояние страны и населения – как они соотносятся?

– Растет ВВП и, соответственно, увеличивается общий пирог, который можно делить. Но связь все же не пропорциональная. Скажем, если рост сопровождается увеличением оттока капитала, то благосостояние будет расти медленнее, чем ВВП. Другая сторона проблемы: как распределяется выигрыш от роста? У нас сейчас рост сопровождается повышением дифференциации доходов – т. е. выигрывают все, но богатые в большей степени.

– Если говорить о текущем годе, то за счет чего растет ВВП сейчас? Цены на нефть играют здесь решающую роль?

– Сразу скажу, что в этом вопросе постоянно возникает путаница. Очень часто ставят знак равенства между ролью нефтяного сектора в российской экономике и ролью высоких цен на нефть. Мои расчеты показывают, что вклад нефтяного сектора в экономический рост действительно очень высок: в последние годы от трети до половины нашего роста объяснялось прямым вкладом нефтяного сектора (плюс увеличивался удельный вес отрасли в инвестициях, что еще усиливало роль «нефтянки»). Но это совсем не то же самое, что значение высоких цен на нефть! У нас выгодно добывать нефть не только при 40 или 30 долларах за баррель, но и при 20, и даже при 15. Нет оснований считать, что нефтяная промышленность развивалась бы заметно медленнее при «нормальных» ценах (проблемы возникают, только если цены падают, скажем, до 12 долларов, как в 1998 г.). Нефтяные цены могут влиять не только непосредственно через нефтяную отрасль, но и через другие сектора – благодаря расширению инвестиционного и потребительского

спроса. Но такой эффект частично сглаживается действиями ЦБ, который накапливает золотовалютные резервы, и правительства, создавшего Стабилизационный фонд. Это правильная политика, позволяющая поддерживать конкурентоспособность российских производителей, но она погашает действие высоких нефтяных цен на нашу экономику. По моим оценкам, дорогая нефть обеспечивает примерно четверть наблюдаемого сегодня роста ВВП.

– Развитие каких еще отраслей, кроме нефтяной, определит наращивание ВВП? Из чего он состоит «качественно»?

– Сейчас в России очень активно растет строительство, и, судя по всему, этот рост будет продолжаться. Причина подъема строительного сектора в том, что это «неторгуемая» отрасль, не испытывающая трудностей в связи с укреплением рубля. Другая быстро развивающаяся отрасль – это машиностроение. После существенного спада в период экономического кризиса в стране идет быстрый рост, и, соответственно, возникает потребность в инвестициях. Хотя, конечно, возможности машиностроения сильно ограничены укреплением рубля. Последствия укрепления национальной валюты иллюстрирует ситуация с автомобильной промышленностью: после посткризисного расцвета «АвтоВАЗ», например, вновь столкнулся с серьезными трудностями.

– Нет ли у Вас ощущения, что мы идем, так сказать, по экстенсивному пути увеличения объемов производства? Не может ли возникнуть ситуация, когда, планомерно увеличивая производство нефти, металлов, другого сырья, мы столкнемся с безнадежным отставанием несырьевых отраслей?

– В принципе, всем известно, что Россия больна «голландской болезнью», симптомы которой заключаются в хорошем развитии экспортно ориентированного сырьевого сегмента и больших проблемах с конкурентоспособностью в обрабатывающей промышленности. Сейчас, когда цены на нефть особенно высоки и ничто не предвещает их резкого снижения в ближайшие два года, развивать высокотехнологичные производства – необыкновенно сложная задача. По моему мнению, самый реалистичный способ для нас излечиться от «голландской болезни» – это путь, по которому пошли Австралия, Канада, Финляндия. Они тоже начинали с сырьевой ориентации, но впоследствии выстроили вокруг сырьевых отраслей кластеры, включающие и высокотехнологичные производства. Финляндия, например, начав с экспорта древесины, постепенно стала мировым лидером в производстве бумаги, оборудования для деревообрабатывающей и бумажной промышленности. В России такой отраслевой комплекс можно создать на основе той же лесной промышленности, металлургии, химической промышленности. Мы экспортируем в основном химические удобрения, но импортируем лекарства, хотя у нас достаточно инженеров химической промышленности.

– Есть ли перспектива уменьшить импорт потребительских товаров и, соответственно, увеличить их производство в России?

– Включение в международное разделение труда означает, что многие товары мы будем импортировать всегда (думаю, что это относится к бытовой электронике). В то же время хочется верить, что конкурентоспособные товары появятся не только в пищевой промышленности, поскольку иначе мы не сможем войти в круг развитых стран.

– Долгосрочная социально-экономическая государственная программа способна разрешить проблемы в несырьевом секторе?

– У правительства есть целая программа диверсификации экономики, и в ней прописаны многие меры по поддержке несырьевого сектора, например, страхование экспортных

рисков и софинансирование экспортных кредитов для перспективных отраслей. В сегодняшних условиях как никогда важна не только инвестиционная, но и политическая поддержка наших товаров на внешних рынках. И все же проблема слишком масштабна, чтобы можно было решить ее просто набором мер.

– Предположим, с каждым годом мы будем увеличивать объемы производства. Между тем основные производственные фонды в очень многих отраслях изношены на 70-80%. Что с этим делать?

– В последние годы темпы роста инвестиций выше, чем темпы роста производства. Это показывает, что модернизация мощностей все-таки ведется. Правда, носит она скорее количественный, а не качественный характер. Новое оборудование в цехах устанавливается, но технологии почти не обновляются, т. е. развитие происходит эволюционное, а не скачкообразное, революционное.

– Постоянно звучат заявления о том, что для удвоения ВВП в течение десяти лет необходимо провести ряд реформ. На Ваш взгляд, реализация каких реформ нужнее всего для достижения поставленной цели?

– Я считаю, что первоочередная необходимость – это реформирование газовой отрасли. Газовый сектор – это наш главный долгосрочный козырь. Потенциально он гораздо перспективней, чем нефтяной: ведь запасов газа у нас гораздо больше, чем «черного золота». Да и на нефтяном мировом рынке Россия хоть и крупный игрок, но далеко не самый главный, между тем как на мировом рынке газа Россия – лидер. Но пока, увы, газовый сектор демонстрирует худшие среди всех отраслей показатели. За последние четыре года экономика в целом выросла на 30%, нефтяная промышленность – на 40%, а газовая отрасль оказалась в минусе. Без глубокой реформы газового сектора я не вижу вообще никаких перспектив серьезного экономического роста. И бездействие здесь вызвано, скорее всего, политическими причинами: государство боится потерять контроль над ключевой для него отраслью. Второй сектор, в котором необходимы серьезные изменения, финансовый. Правда, здесь уже какое-то движение происходит, начинается отзыв лицензий, однако проявилась очень тревожная тенденция – кризис доверия населения. О нем свидетельствует мощный отток депозитов из «Альфа-Банка» на фоне ничем не подтвержденных слухов.

– Как влияет мировая конъюнктура на рост российского ВВП?

– Здесь, конечно, главную роль играют все те же цены на сырьевые товары. Но эффект здесь не прямолинеен: удорожание нефти может затормозить ход реформ: у нас и так все хорошо, значит, можно не особенно суетиться. С другой стороны, дорогая нефть обостряет «борьбу за ренту», т. е. вместо развития производства все силы и внимание переносятся на борьбу за контроль над активами нефтяных компаний. Усугубляется и «голландская болезнь».

– Многие чиновники неоднократно заявляли о том, что удвоение ВВП невозможно без госинвестиций в инфраструктуру. Вы согласны с этим?

– Вообще-то, мировой опыт показывает, что инвестиции в инфраструктуру – один из наиболее эффективных инструментов обеспечения роста. Но до сих пор КПД госинвестиций у нас был крайне низок, скажем, когда дорожный фонд строил дороги, эффект оказывался мизерным. Если государство действительно начнет строить порты и дороги, а не просто «осваивать средства», тогда будет толк. Но нужно кардинально менять формы финансирования, например, реализовывать совместные проекты силами государства и бизнеса.

- Как Вы полагаете, мы сможем увеличить в следующем году ВВП на заветные 7%?
- Если цены на нефть останутся на уровне этого года, то это более чем реально. Если они снизятся, то я бы прогнозировал увеличение ВВП на 6%.
- То есть все опять упирается в цены на нефть?
- Цены на нефть – самая непредсказуемая величина. Все остальные показатели в основном меняются эволюционно и легче поддаются прогнозированию. Именно поэтому прогнозы нашей экономики так сильно зависят от скачков стоимости «черного золота».